

Юлия Михайловна Кувшинская

Анна Александровна Аксенова

Россия, Национальный исследовательский университет – Высшая школа
экономики

Пунктуация в предложениях с союзом *то есть* как отражение развития дискурсивных функций

Ключевые слова: пунктуация, коннекторы, союзы, аппозитивные конструкции, парцелляция, пояснительные отношения, отношения эквиваленции.

Key words: punctuation, connectives, conjunctions, appositional constructions, parcelling, explanatory relations, discourse relations.

Abstract

The paper deals with punctuation features in sentences with the connective *to est'*. The data of the Russian National Corpus shows an increase in the frequency of using the connective at the beginning of an independent sentence, after a period. The paper discusses the differences between *to est'* in the middle and at the beginning of sentences: the ability to express certain relationships between text fragments, syntactic conditions of the use, the conditions under which the fragment introduced by *to est'* cannot be formed as part of the preceding sentence and follow after a comma.

Введение

Работа посвящена современным особенностям пунктуации при союзе *то есть* в русском языке¹. Предметом исследования является употребление коннектора *то есть* после точки, в начале предложения. Семантическая структура *X то есть Y* [In'kova, Gur'ev 2018: 47] в таких употреблениях получает синтаксическое оформление: *X. То есть Y*.

---

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2021 г.

(1) *По глазам диагноз не поставишь, да и данные осмотра должны подтверждаться лабораторно. А лаборатория стоит десятки тысяч долларов. То есть хороший частный кабинет должен быть при какой-то крупной структуре* [«Автопилот», 2002.01.15].

Союз *то есть* характеризуется в [Švedova 1980] как пояснительный, указывающий «на тождество, равнозначность соотнесенных ситуаций». Русская корпусная грамматика рассматривает его как маркер свободной аппозитивной конструкции, выражающей отношения эквиваленции [Imennye appozitivnye konstrukcii 2019]. [In'kova, Gur'ev 2018] убедительно показывают, что *то есть* маркирует отношения поясняющего переформулирования, и эта функция является общей для всех возможных употреблений коннектора.

Согласно Прияткиной и др. [Priâtkina i dr. 2001: 131–141] и Иньковой и Гурьеву [In'kova, Gur'ev 2018], союз *то есть* может соединять компоненты разного морфосинтаксического статуса: прежде всего, синтаксические группы и предикативные структуры разной сложности. В большинстве случаев компонент Y, вводимый *то есть*, входит в состав предложения и присоединяется через запятую (реже – заключается в скобки) (далее – *то есть* 1).

Однако *то есть* может выражать отношения между высказываниями и более крупными частями текста. В этих случаях компонент Y представляет собой самостоятельное предложение, которое, согласно Прияткиной и др. [Priâtkina i dr. 2001: 139–140], обычно находится в середине абзаца (далее – *то есть* 2). Кроме того, *то есть* может иметь характер «фразы-скрепы» частей текста («То есть так»), начинать парцеллят, использоваться в диалоге (для переспроса, уточнения и др. – Ю.К., А.А.) [Priâtkina i dr. 2001: 139–140]. Инькова и Гурьев указывают также контексты, в которых *то есть* соединяет незаконченные фрагменты текста и выступает в функциях коррекции и хезитации [In'kova, Gur'ev 2018: 55–57, 65–69].

Употребление *то есть* после точки становится все более частым в современной русской речи, как разговорной, так и письменной, книжной. Так, С.О. Савчук отмечает высокую частотность *то есть* в начале предложения в устной научной речи; при этом *то есть* нередко заменяет собой союзы, выражающие различные смысловые отношения, помимо пояснения или переформулирования, или «употребляется с размытой семантикой, близкой к дискурсивным словам» [Savčuk 2019: 91–92].

По данным Основного корпуса Национального корпуса русского языка (НКРЯ), доля контекстов, в которых *то есть* начинает предложение, неуклонно растет. Анализ выборки из 4000 примеров (по 1000 примеров за каждый век с XVIII по XXI, до 2019 г. включительно) показал, что если в XVIII в. употребление *то есть* в начале предложения было чрезвычайно редким (общая доля употреблений *то есть* 2 составляла 4% – 43 примера), то затем оно встречается все чаще. В XIX в. оно составляет около 16% (158), в XX в. – 27% (272), а в начале XXI в. – 41% (410).

При этом если в XVIII в. *то есть* встречается в НКРЯ в начале предложения исключительно в монологическом контексте без функции хезитации или коррекции, нередко для оформления перевода предшествующей фразы, то затем, во многом с развитием художественной литературы, появляются употребления в функции хезитации или коррекции, в диалоге в функции переспроса, уточнения. В то же время большинство составляют примеры, в которых *то есть* употребляется в начале отдельного законченного предложения в монологическом тексте, в прототипической функции пояснительного коннектора (в выборке за XXI в. доля таких примеров составляет примерно 31% от общего числа контекстов с *то есть* и 75% от всех примеров с *то есть* в начале предложения).

Предметом данной работы будут именно случаи употребления коннектора в начале законченного предложения в монологическом тексте (*то есть* 2), вне диалога, без функции хезитации или коррекции, – т.е. в таких контекстах, где можно было бы ожидать постановку запятой перед *то есть*. В задачи работы входит:

Описать функции коннектора *то есть* при употреблении после точки и отношения между соединяемыми фрагментами (X и Y);

Выяснить, насколько взаимозаменяемы способы оформления фрагмента, вводимого *то есть*, как самостоятельного высказывания и как части высказывания и можно ли говорить о конкуренции или о дистрибуции коммуникативных и пунктуационных стратегий при употреблении *то есть*?

Выявить прагматические цели и эффект оформления компонента Y как самостоятельного высказывания.

Анализ проводился на материалах Основного подкорпуса НКРЯ за XXI в., всего 1000 примеров, из которых 490 – контексты, в которых *то есть* вводит самостоятельное законченное предложение; из них 261 пример – без парцелляции и вне диалога².

Поскольку коннектор способен соединять синтаксические компоненты разной сложности [Priâtkina i dr. 2001: 139–140; In'kova, Gur'ev 2018: 49], то важно определить синтаксические характеристики рассматриваемых контекстов. В тех контекстах, где Y выражен синтаксической группой и перед *то есть* ставится точка, мы имеем дело с парцелляцией или незавершенным высказыванием. Нас же будут интересовать те случаи, когда Y выражен предикацией (финитной клаузой), оформленной как самостоятельное предложение или как часть сложного предложения, не включающего компонент X. При этом Y может быть представлен финитной клаузой и в тех случаях, когда он присоединяется к предшествующему контексту, а перед *то есть* ставится запятая. Поэтому работа имеет целью выявление условий, при

² Именно это количество (261) принималось за 100% при дальнейших подсчетах.

которых вводимый *то есть* и выраженный финитной клаузой компонент У оформляется как самостоятельное законченное предложение.

Функции *то есть* и отношения между частями текста

В МАС [Evgen'eva 1981] выделены две основных функции *то есть* – *то есть* пояснительное (такова функция союза в (1)) и *то есть* поправки, оговорки.

Словарь Прияткиной и др. [Priatkina i dr. 2001: 130] дает еще одно значение – *то есть* «интерпретирующее»: «объясняет явление», «определяет значимость факта», дает оценку, «особое мнение», «точку зрения».

Исходя из этих классификаций, в монологических контекстах, в которых *то есть* вводит самостоятельное законченное предложение, коннектор используется в функциях пояснения (8, 9) и интерпретации (1, 4, 5 и др.).

Однако, согласно Иньковой и Гурьеву, контексты с пояснительным коннектором неоднородны. Авторы на базе широкой выборки контекстов, преимущественно с *то есть* 1, выделяют восемь значений пояснительного *то есть* [In'kova, Gur'ev 2018: 58–63]. Среди этих значений лишь одно невозможно для *то есть* 2 – функция **обратного определения** [In'kova, Gur'ev 2018: 59–60], поскольку *то есть* в этой функции вводит синтаксическую группу (термин).

Кроме того, в НКРЯ не встретились примеры с **то есть выбора**, при котором «благодаря присутствию *между прочим* или *в том числе*» [In'kova, Gur'ev 2018: 61] пояснение производится через квантификацию – сужение множества элементов X. Однако представляется, что такие примеры возможны:

(2) *Наши студенты имеют самый широкий выбор траектории образования. То есть в том числе они могут путем выбора майнора получить дополнительно иную специализацию, чем предоставляет их факультет* (пример сконструирован авторами).

Опираясь на классификацию, предложенную в [In'kova, Gur'ev 2018], выделим пояснительные функции, свойственные *то есть* 2 и укажем их частотность в выборке НКРЯ:

Определение:

(3) *Для того чтобы «поймать» очень быстрые процессы, мы применили механизм синхронизации по окончании. То есть запись ведётся постоянно, но после выключения сохраняются только последние полсекунды* [«Новгородские ведомости», 2013].

(4) *Ну что это такое – он у меня нашел эдипов комплекс. То есть, по Фрейду, я люблю и ненавижу отца, люблю – потому что отец, и ненавижу – потому*

что воспринимаю его как сексуального соперника в любви к матери [«Эксперт Северо-Запад», 2015].

В нашей выборке всего 4 подобных примера (1,5%), которые содержат, по сути, не столько собственно определение, сколько интерпретацию термина в конкретной ситуации (особенно пример (6)); функция коннектора близка к интерпретации.

Дополнение «вводит описание или предикацию Y, отличающуюся по интенционалу от описания или предикации X, но совпадающую с ней в данном контексте по экстенционалу» [In'kova, Gur'ev 2018: 59] – 27 примеров (10, 3%):

(5) *Шхуна «Параундир» обнаружила множество необитаемых безымянных островов. И на каждый из них для проверки высаживались матросы, бывшие официанты. Печально, что они не возвращались. **То есть** поселялись на островах с намерением открыть свой ресторанчик или кафе* [«Мурзилка», 2003].

Интерпретация – употребление, «эксплицирующее смысл, который говорящий хочет придать X» [In'kova, Gur'ev 2018: 59] – 60 примеров (22,9%):

(6) *Вот тут особо впечатлительных просим на всякий случай присесть... Оказалось, что это мушкетная пуля, которой не меньше двухсот лет. **То есть** она, скорее всего, вылетела из дула ещё в период войны Англии и Франции за американские колонии, в годы, описанные Фенимором Купером в «Следопыте» и «Последнем из могикан»* [«Криминальная хроника», 2003.06.24].

(В тексте речь идет о старинной пуле, обнаруженной в теле современного мальчика, поэтому интерпретация датировки события важна для автора.)

Следствие – 136 примеров (52,1%):

(7) *Машины приобретут способность понимать свое окружение и общаться по интернет-протоколу. **То есть** каждый рабочий объект станет сам определять, какую работу необходимо выполнить для производства* [«Эксперт», 2014].

Спецификация – в этой функции *то есть* вводит конкретизацию, уточнение сказанного в предшествующем контексте – 14 примеров (5,3%):

(8) *Этот бизнес кредитный и в России, и в Белоруссии, и на Украине, и практически во всех странах мира, потому что средства защиты растений в основном используются после того, как происходят все остальные закупки. **То есть** сначала ремонтируется техника, закупаются удобрения, горючее, семена* [«Эксперт», 2014].

Экземплификация, или объяснение через пример, как правило, с использованием соответствующих дискурсивных слов. В нашей выборке встретился единственный пример (0,03%):

(9) *Правда, Елена Борисовна, она же юрист, разъясняет, что новый закон не регулирует гей-парады, они должны проводиться по закону «О митингах». **То есть** вы приходите, например, в какую-нибудь местную администрацию, чтобы, в соответствии с законом о митингах, получить разрешение на*

проведение гей-парада и, в соответствии с законом, указывает цель вашего мероприятия [«Знание-сила», 2014].

Кроме этого, мы выделили функцию **обобщения**, не названную в [In'kova, Gur'ev 2018], однако чрезвычайно характерную для контекстов, где *то есть* стоит в начале предложения – 33 примера (12,6%). Это значение, по сути, антонимично значению спецификации: компонент Y обобщает то, что содержится в компоненте X:

(10) *Группа «Пони» выламывается из общей картины: они недостаточно-модные, чтобы отвечать вкусам хипстеров, и недостаточно попсовые, чтобы влиться в мейнстрим. **То есть** они совершенно вне тренда и тем интересны* [«Русский репортер», 2013].

Относительная частотность функций *то есть* 2 в нашей выборке такова: следствия (52,1%) – интерпретации (22,9%) – обобщения (12,6%) – дополнения (10,3%) – спецификации (5,3%) – определения (1,5%) – экземплификации (0,03%).

Частотность функций *то есть* 1 в выборке из НКРЯ за XXI в. выглядит несколько иначе: дополнение (22%) – интерпретация (21,7%) – следствие (20,87%) – определение (19,6%) – спецификация (10,5%) – обобщение (2,8%) – обратное определение (1,2%) – пример (0,3%).

Примечательно, что функция интерпретации весьма свойственна для *то есть* в любом положении. Этот факт и весь набор наиболее частотных функций *то есть* 1 и 2 свидетельствуют о том, что отношения эквиваленции здесь, как правило, осложнены дополнительной семантикой. Наиболее заметны различия *то есть* 1 и 2 в частотности значений обобщения (характерно преимущественно для *то есть* 2) и определения (свойственно главным образом *то есть* 1).

Таким образом, *то есть* 2 может выполнять большинство тех же функций, которые выделены преимущественно по отношению к *то есть* 1, за исключением функции обратного определения. В то же время, видимо, функции *то есть* 2 и *то есть* 1 распределены неодинаково: весьма частотная для *то есть* 1 функция определения редко встречается у *то есть* 2 и бывает осложнена элементами интерпретации, а присущая *то есть* 2 функция обобщения мало характерна для *то есть* 1.

Точка или запятая перед *то есть*: конкуренция или дистрибуция?

Анализ выборки показывает, что во многих контекстах *то есть* 1 и *то есть* 2 взаимозаменяемы. Иначе говоря, в контекстах, в которых компонент

У выражен отдельным предложением, X и Y могли бы быть оформлены как части единого высказывания, например:

(11) Несомненно, это приведёт к тому, что и без того нищие бюджеты районов и городов будут поделены ещё на 10 – 15 частей. **То есть** все местные органы власти будут лишены сколько-нибудь серьёзных сумм для выполнения своих, точнее, навязанных им обязательств перед населением [«Советская Россия», 2003.07.03].

Ср.: ...И без того нищие бюджеты районов и городов будут поделены ещё на 10 – 15 частей, **то есть** все местные органы власти будут лишены сколько-нибудь серьёзных сумм...

И наоборот, в ряде примеров перед *то есть* вместо запятой можно было поставить точку:

(12) Чтобы не быть выдавленными с рынка, – говорит академик Алексей Макаров, – необходимы жесткий расчет экономической эффективности нефтегазовых проектов, контроль затрат по всей цепочке поставок углеводородов, а также правильная оценка возможных рисков, **то есть** нужна такая организация бизнес-процессов в отрасли, чтобы перекрывать дорожку чрезмерным затратам [«Эксперт», 2014].

Ср.: ...Необходимы жесткий расчет экономической эффективности нефтегазовых проектов, контроль затрат по всей цепочке поставок углеводородов, а также правильная оценка возможных рисков. **То есть** нужна такая организация бизнес-процессов в отрасли...

Можно выделить несколько причин, в силу которых замена точки на запятую оказывается нежелательна или невозможна:

1. Компонент X включает не только предшествующее предложение, но целый фрагмент текста:

(13) В свое время известный детский психолог Даниил Эльконин предложил остроумный тест на готовность к школе. Перед ребенком выкладывалась куча спичек. Экспериментатор просил брать их по одной и перекладывать в другое место. Правила были нарочито обесмыслены. Одни дети выполняли эту работу скрупулезно, тщательно, отдавая ей довольно много времени (иногда час). Они готовы к поступлению в школу. Другие дети некоторое время перекладывали спички, а потом начинали из них что-то строить. Третьи привносили в этот монотонный труд свою собственную задачу. Детям из второй и третьей группы будет трудно угодить учителю, который требует, чтобы поля в тетрадке занимали ровно пять клеточек, а расстояние между классной и домашней работой – две клеточки. **То есть** готовность к школе предполагает не столько умение читать и считать, сколько умение подчиняться правилам и усвоение социальной роли ученика [«Коммерсантъ-Власть», 2002].

Здесь предложение, вводимое *то есть*, выражает главную мысль, тему абзаца (с точки зрения макроструктуры дискурса [van Dijk 1982, 1989]).

Предшествующий контекст содержит поясняющий развернутый пример, выводом из которого служит предложение с *то есть*. (*То есть* выражает здесь отношения следствия.) При замене точки перед коннектором на запятую фрагмент Y относился бы только к предшествующему предложению, т.е. содержание компонента X изменилось бы, и вывод (следствие) не соответствовал бы исходной посылке, контекст стал бы логически неприемлемым:

(13а) *Детям из второй и третьей группы будет трудно угодить учителю, который требует, чтобы поля в тетрадке занимали ровно пять клеточек, а расстояние между классной и домашней работой – две клеточки, то есть готовность к школе предполагает не столько умение читать и считать, сколько умение подчиняться правилам и усвоение социальной роли ученика.*

Среди контекстов с *то есть* 2 немало примеров, в которых коннектор присоединяет предложение к целому фрагменту текста или одновременно к нескольким клаузам в составе сложного предложения (см. 1, 10).

2. Компонент Y вводит новую по отношению к фрагменту X тему или другую точку зрения (ср. [Радуцева 2019: 48–78] о наблюдателе и точке зрения в тексте).

(14) (1) *А Россия считает своих убитых.* (2) *Потери от терактов близки к уровню потерь во время «активной фазы» антитеррористической операции.* (3) *В бездарном МВД пересчитывают тонны взрывчатки в тротиловом эквиваленте.* (4) *МВД успокаивает россиян, что шахидок из отряда «чёрных вдов» осталось уже только двадцать семь из тридцати.* (5) *То есть впереди всего двадцать семь взрывов – не больше трехсот-четырехсот убитых в Москве и других городах, не больше полутора тысяч покалеченных* [«Завтра», 2003.08.06].

В примере (14) тема абзаца выражена в первом предложении. Далее, в 3 и 4 предложениях вводятся другие темы, поясняющие главное утверждение (предложение 4 содержит компонент X – придаточное предложение, сообщающее о 27 шахидках). Предложение (5), вводимое *то есть*, возвращает читателя к главной теме абзаца, одновременно связывая предложения 3 и 4 с главной темой. *То есть* выражает отношения следствия.

В то же время синтаксическое и пунктуационное оформление этого фрагмента обусловлено и другими причинами. В предложении (4) излагается позиция МВД, на что указывает глагол «успокаивать» – предикат главной клаузы. В предложении (5), очевидно, выражена позиция автора, а не МВД, на что указывает в том числе и ирония. Если предложение (5), как Y, присоединялось бы к X, т.е. придаточной части предложения (4), оно зависело бы от главной клаузы «МВД успокаивает россиян» и было бы подано как содержание речи представителей МВД:

(14а) *МВД успокаивает россиян, что шахидок из отряда «чёрных вдов» осталось уже только двадцать семь из тридцати, то есть впереди всего*

двадцать семь взрывов – не больше трехсот-четырёхсот убитых в Москве и других городах, не больше полутора тысяч покалеченных.

Использование *то есть* 2 как маркера изменения, поворота темы [van Dijk 1982] весьма характерно для выборки из НКРЯ: это наблюдается в примерах 7, 9, а также 5 и 6³.

Заключение

Можно говорить о том, что в предложениях с *то есть*, вводящим финитную клаузу, выбор пунктуационного оформления в целом вариативен и определяется желанием говорящего либо выделить компонент, вводимый *то есть* 2, чтобы подвести итог фрагмента, дать комментарий с авторской точки зрения или связать предшествующее изложение с другой темой – либо, напротив, представить фрагмент, вводимый *то есть* 1, как продолжение предшествующей темы. В первом случае компонент Y, вводимый *то есть*, оформлен как самостоятельное предложение и отделяется точкой, во втором – входит в состав предшествующего предложения. При этом в зависимости от контекста стратегия коммуникативной организации фрагмента и пунктуационного оформления может быть более или менее предсказуемой или даже единственно допустимой. На выбор пунктуации влияет ряд синтаксических, семантических и прагматических факторов:

стремление выразить значения обобщения в контекстах, где *то есть* вводит не синтаксическую группу, а предложение. Отметим, что примеры, где *то есть* 1 вводит финитную клаузу и выражает отношение обобщения, единичны (2 в выборке за XXI в.);

необходимость соотнести компонент Y не только с ближайшим, но и с более широким контекстом, например, абзацем;

необходимость смены темы или ввода новой точки зрения.

При этом эффект введения через Y другой точки зрения свойственен и *то есть* 1, выражающему отношения дополнения (ср.: по [In'kova, Gur'ev 2018: 59], X и Y различаются здесь по интенционалу, но в данном случае совпадают по экстенционалу). Однако *то есть* 1 в значении дополнения, по нашим данным, как правило, присоединяет синтаксическую группу, а не финитную клаузу (примеры с клаузой единичны, отношения частей в них X и Y близки к определению или спецификации). Таким образом, собственно

---

³ Продемонстрировать функцию *то есть* как маркера смены темы можно лишь на достаточно широком контексте, в рамках настоящей работы мы вынуждены ограничиться анализом одного примера.

дискурсивная функция смены точки зрения или поворота темы характерна именно для *то есть* 2.

Все изложенное выше свидетельствует о том, что рост частотности употребления *то есть* после точки отражает развитие у *то есть* дискурсивных функций на уровне текста. На это указывают и немногочисленные случаи обособления *то есть* 2, очевидно, понятого как вводное слово:

(15) Я взял другую поговорку и тоже ее продолжил: «Он от скромности не умрет своей смертью». **То есть**, бывает такая скромность, за которую могут и пришибить. Все согласились... [Феликс Кривин, *Хвост павлина* (1981–1987)].

Литература

- Evgen'eva A.P. (ed.), 1981, *Slovar' russkogo âzyka*, Moskva: Russkij âzyk.
- Imennye appozitivnye konstrukcii. Podgotovitel'nye materialy, 2019 [in:] *Russkaâ korpusnaâ grammatika* [Elektronnyj resurs], URL: <http://rusgram.ru>; 1.07.2021.
- In'kova O.Û., Gur'ev A.S., 2018, K voprosu o kategorii poâsneniâ v russkoj grammatike, *Russkij âzyk v naučnom osvešenii*, 1, pp. 46–73.
- Padučeva E.V., 2019, *Ėgocentričeskie edinicy âzyka*, Moskva: Izdatel'skij Dom ÂSK.
- Priâtkina A.F., Starodumova E.A., Sergeeva G.N., Zajceva G.D., Okatova N.T., Tokarčuk I.N., Krylova G.M., Žukova T.A., Petročenko T.V., Zav'âlov V.N., 2001, *Slovar' služebnyh slov russkogo âzyka*, Vladivostok.
- Savčuk S.O., 2019, Osobennosti ustnogo naučnogo diskursa: po materialam Nacional'nogo korpusa russkogo âzyka, Analiz razgovornoj russkoj reči (AR3-2019), *Trudy vos'mogo meždisciplinarnogo seminara*, Sankt-Peterburg: Politehnika-print, pp. 88–96.
- Švedova N.Û. (ed.), 1980, *Russkaâ grammatika*, vol. II, § 3148, Moskva.
- van Dijk T.A., 1982, Episodes as units of discourse analysis [in:] D. Tannen (ed.), *Analysing Discourse: Text and Talk*, Washington, D.C.: Georgetown University Press.
- van Dijk T.A., 1989, *Âzyk. Poznanie. Kommunikaciâ*, Moskva: Progress.

Оксана Юрьевна Чуйкова

Россия, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

«Точки» и «запятые» в структуре ситуации: абсолютный и относительный предел и средства их выражения (аспектуальные характеристики и падеж прямого дополнения)¹

Ключевые слова: русский язык, структура ситуации, широкий контекст, накопитель эффекта, абсолютный и относительный предел ситуации, градационные глаголы, делимитативный способ действия, семельфактивный способ действия.

Key words: Russian language, event structure, wide context, incremental theme, relative and absolute boundedness, degree achievements, delimitative Aktionsart, semelfactive Aktionsart.

Abstract

The paper deals with some features of the event structure that influence its formal expression and determine the wider context of a clause. The notion of relative/absolute boundedness is used to indicate the exhaustiveness of the event. The relative boundedness is a feature that makes it possible to use the genitive partitive case as the direct object. Within such perfective verbs as *выпит'* 'drink.PF' and *съест'* 'eat.PF', the nominal case determines the interpretation of a verbal phrase: the accusative indicates the absolute boundedness while use of the genitive results in the relative boundedness. As for degree achievements, delimitative Aktionsart and semelfactive Aktionsart, it is the verb that determines the interpretation of a verbal phrase. What all the examined cases have in common is that the use of the genitive as the direct object marker indicates the relative boundedness (partial resultativeness): the object of the event is a part of the cumulative object of a wider (actual or ideal) situation.

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-312-60006 «Прямое дополнение и аспектуальные характеристики славянского глагола».

0. Введение

В статье рассматриваются некоторые особенности структуры ситуации, влияющие на ее формальное выражение и имплицитно определяющие широкий контекст, в котором возможно употребление высказывания. Таким образом, речь пойдет о характеристиках, влияющих на способность описываемой ситуации выходить за пределы одного высказывания и, следовательно, действовать на уровне текста. В центре внимания оказывается аспектуальное противопоставление абсолютного и относительного предела ситуации (см. [Bondarko 1986: 17; 2011: 365–366]). Абсолютный предел указывает на исчерпанность ситуации, относительный же предел, наоборот, предполагает незавершенность ситуации (что имплицитно указывает на возможность ее существования и продолжения за пределами высказывания). В рамках представления о пятичастной структуре ситуации [Plungân 2000/2003: 297; 2011: 384] (см. также [Dik 1989; Smith 1991; Klein 1994] и др.), которая включает следующие фрагменты (указаны в порядке следования во времени): подготовительная стадия, начало, середина, финал и результирующая стадия, указание на абсолютный предел безусловно имеет место только в случае, когда глагольным предикатом обозначен финал ситуации.

Возможности предиката, указывающего на относительный предел ситуации (в данном случае выраженный глаголом делимитативного способа действия (далее – СД)), наглядно демонстрирует следующий отрывок:

- (1) — *А вы что, уже уходите? – спросил Кролик.*
 — *А что, у вас разве ещё что-нибудь есть? – спросил Пух. – Ты куда не торопишься Пятачок?*
 — *Нет.*
 — *Ну тогда мы **посидим ещё немного.***
*И они **посидели ещё немного.** Потом ещё немного. А потом ещё немного. И ещё немного. Пока, увы, совсем ничего не осталось [м/ф «Винни Пух идет в гости», 1971].*

Следует отметить, что употребление в контекстах, подобных (1), возможно далеко не для каждого глагола совершенного вида (далее – СВ), а лишь для таких, которые обозначают относительный предел ситуации. В качестве диагностического теста на возможность продолжения ситуации после достижения относительного предела предлагается проверка способности глагольного предиката использоваться в контексте типа '*X, а потом еще X*'.

Следует также отметить, что в случае установления между предикатом и его аргументом инкрементального (накопительного) отношения (англ. «incremental relation» [Dowty 1991]), предполагающего наличие прямой зависимости между временной протяженностью ситуации и мерой вовлеченности объекта в ситуацию, предельность ситуации определяется признаками

не только предиката, но и прямого объекта. Для такого объекта в русской аспектологии принято название «накопителя эффекта», или «накопителя» [Padučeva 2004; Melig 2008] (также можно встретить названия «градуальный паценс» и «инкрементальная тема» [Tatevosov 2011: 479]). Именные группы, реферирующие к объекту-«накопителю», подразделяются на два основных класса: кумулятивные и квантованные (первые, в отличие от вторых, обладают свойствами аддитивности и подразделимости), см. [Krifka 1989: 75]. Вопросы взаимодействия свойств объекта-«накопителя» и аспектуальной интерпретации глагольной группы рассматриваются в рамках теории аспектуальной композиции (см., например, [Krifka 1989; Dowty 1991; Filip 1999; Tatevosov 2015] и др.). Ниже будут рассмотрены случаи, демонстрирующие накопительное отношение в сочетании глагольного предиката и объекта, однако остающиеся как правило за пределами рассмотрения в рамках теории аспектуальной композиции в русском языке.

1. «Предельные» глаголы: *выпить*, *съесть*

Применительно к материалу русского языка теория аспектуальной композиции постулирует невозможность употребления кумулятивной именной группы при глаголе СВ, в данном случае возможно употребление только квантованной именной группы — конечной и количественно определенной. Действительно, примеры (2)–(3) предполагают полное вовлечение в ситуацию количественно определенного объекта, что как следствие приводит к невозможности существования той же самой ситуации за пределами высказывания ввиду того, что ее объект оказывается исчерпан (см. также [Tatevosov 2015: 144]). В связи с этим в естественных примерах за рассматриваемой ситуацией следуют действия, указывающие на ее полное завершение (*облизать ложку*, *поставить стакан обратно*), а сочетания, предполагающие продолжение ситуации, оказываются невозможными.

- (2) *Тогда Борька съел кашу и ^{OK}облизал ложку* [А. Яшин, *Маленькие рассказы* (1954–1962)]² (*и еще немного осталось / *а потом еще немного съел кашу);
- (3) *Пестренький с удовольствием выпил воду и ^{OK}поставил стакан обратно под кран* [Н. Носов, *Незнайка в Солнечном городе* (1958)] (*и еще немного осталось / *а потом еще немного выпил воду).

В то же время в русском языке существует средство для выражения глаголами СВ *съесть* и *выпить* ситуации, не достигшей своего естественного

---

² Здесь и далее источником языкового материала, если не указано иное, служит Национальный корпус русского языка (НКРЯ, URL: <http://ruscorpora.ru>).

предела. При использовании в позиции прямого дополнения имени в форме родительного (партитивного) падежа существование одной и той же ситуации (с тождественным объектом) за пределами рассматриваемого высказывания мыслится допустимым. Таким образом сочетание глагола СВ и родительного падежа дает указание на относительный предел ситуации, что делает возможным существование таких примеров, как (4) и (5):

- (4) — *Еще выпьешь бульону? Бульону ему не хотелось – даже мамино, крепкого и ароматного; он и одну чашку едва в себя влил* [А. Берсенева, *Возраст третьей любви* (2005)];
- (5) *Давай еще съедим шоколадного и сливочного, хорошо?* [К.А. Федин, *Первые радости* (1943–1945)].

Примеры (4) и (5) позволяют судить о том, что ситуация с тем же объектом существовала ранее, не исключено также ее продолжение в будущем.

2. Градационные глаголы

В семантике видовых пар типа *дряхлеть/одряхлеть*, *слабеть/ослабеть* не содержится указания на естественный предел, после достижения которого ситуация перестанет иметь место. Тем не менее, несмотря на отсутствие естественного, предопределенного самой логикой ситуации предела, в течение процесса возможно достижение множества промежуточных результатов. На данный тип семантических отношений в видовых парах обратила внимание М.Я. Гловинская [Glovinskaâ 1982]. К данному типу автором были отнесены «непредельные глаголы, которые в обеих видовых формах в равной мере выражают результативное действие» [Glovinskaâ 1982: 86]. Глагол несовершенного вида (далее – НСВ) обозначает непредельный процесс, глагол СВ – достижение некоторого промежуточного результата в ходе данного процесса. В настоящее время такие глаголы, вслед за Е.В. Падучевой, называют «градативами» [Padučeva 1996: 117–118], или «градационными парами» [Zaliznâk, Šmelev 2000: 57–58]. Предел в рассматриваемых парах задается количественно [Padučeva 1996: 118–119; Zaliznâk, Šmelev 2000: 57]. В работах А.В. Бондарко постулируется, что отношения между коррелятами в градационной паре следует считать предельными, только предел в данном случае является относительным (в противопоставление абсолютному пределу, наличие которого отличает бесспорные предельные пары) [Bondarko 1986: 17; 2011: 365–366].

Относительный характер предела, эксплицитно выражаемого СВ в градационных видовых парах, дает возможность существования ситуации, выраженной данным глаголом за пределами одной клаузы, см (6).

- (6) *Сперва он чувствовал тяжесть ноши по обыкновенному весу человека; потом тяжесть **уменьшилась**, а потом и **еще уменьшилась**, почти сделалась нечувствительною* [епископ Игнатий (Брянчанинов), *Отечник* (1863)].

Употребление градационных глаголов возможно в сочетаниях с объектом-«накопителем». В первую очередь это глаголы, содержащие в своей семантике идею увеличения/уменьшения количества или степени проявления признака, например, *прибавить*, *убавить* (см. пример (7)). Кроме того, сюда также относятся относительно многочисленные группы глаголов, относящихся к определенным способам глагольного действия: комплетивно-партиитивному с префиксами *под-*, *над-*, *до-* и *при-* (см. примеры (8)–(9)), отделительно-партиитивному с префиксом *от-* (см. пример (10)), кумулятивному с префиксом *на-* (см. пример (11)).

- (7) *Но вместо того, чтобы устремиться туда, Иван **еще убавил газ** и валко съехал на боковую дорогу, в поднявшуюся облаком белесую взвесь* [О. Славникова, *Стрекоза, увеличенная до размеров собаки* (1995–1999)];
- (8) *Страхов часто-часто заморгал фарами, выражая свою признательность парням, а «Нива» **еще прибавила скорость** и исчезла, удачно проскочив на зеленый свет* [Л. Корнешов, *Газета* (2000)];
- (9) *После Нового года установилась настоящая зима. Подморозило, **еще подсыпало снега*** [Н.Ф. Королева, *Другая собака*, «Наука и жизнь», 2007];
- (10) *Петруха **еще отпил водки**, закусил тем же калачом и сунулся к окну, поглядел на реку* [А.П. Чапыгин, *На лебяжьих озерах* (1923)];
- (11) – *Ничего... – **Хлеба еще нарезать?** – Хватит* [С. Таранов, *Черт за спиной* (2001)].

Интересно, что при градационных глаголах регулярно наблюдается возможность оформления прямого дополнения формой родительного падежа с партиитивной семантикой. В отличие от рассмотренных выше случаев употребления глаголов *съесть* и *выпить*, где падежная форма дополнения определяет интерпретацию глагольной группы, в случае с градационными глаголами интерпретация задается глагольной лексемой, а падежные формы родительного и винительного падежей семантически не противопоставлены и могут употребляться как синонимичные друг другу (однако в ряде случаев форма родительного падежа оказывается предпочтительной).

3. Делимитативные глаголы

Глаголы делимитативного СД с префиксом *по-* «описывают некоторую „порцию” действия, оцениваемую как небольшую и ограниченную временем, в течение

которого оно производилось» [Zaliznâk, Šmelev 2000: 111]. В приведенном выше примере (1) глагол *посидеть* относится к делимитативному СД.

В литературе бытует точка зрения на русский делимитатив как на своеобразный способ «компенсации», расширения системы видового противопоставления на непредельные глаголы [Dickey 2006]. С.Г. Татевосов предлагает считать глаголы делимитативного (и пердуративного) СД своеобразным исключением, демонстрирующим сочетаемостные особенности глагола НСВ [Tatevosov 2011]. Делимитатив трактуется как глагол СВ, при котором возможно употребление кумулятивного (недискретного, количественно неопределенного) имени. В литературе также отмечается сходство глаголов делимитативного СД и градативов: «нетривиальное соотношение в паре *повыситься/повышаться* может быть представлено как аналогичное соотношению глагола ограничительного способа действия с мотивирующим его непроизводным, ср. *спать – поспать, гулять – погулять* [...]. В обоих случаях предел задается количественно» [Padučeva 1996: 118–119]; «[к] градационным видовым парам близки пары глаголов типа *гулять – погулять* [...]

Для глаголов делимитативного СД, сочетающихся с объектом, представляющим собой накопитель эффекта, характерны те же признаки, что и для непредельных делимитативных предикатов (как в примере (1)).

- (12) *Вороны попили живой водицы, закидывая клювы вверх, приосели на хвосты, подумали и еще попили* [В. Астафьев, *Последний поклон* (1968–1991)].

Как и при градационных глаголах, при глаголах делимитативного СД возможно употребление формы родительного падежа, которая семантически не противопоставлена форме винительного падежа (см. примеры (13)–(14)). Данное свойство отличает рассматриваемую группу как от «предельных» глаголов СВ, где использование разных падежных форм указывает на полноту вовлечения объекта в ситуацию и, соответственно, на характер предела ситуации (абсолютный или относительный), так и от глаголов НСВ, не допускающих употребление родительного падежа в позиции прямого дополнения при референции к единичной ситуации в актуально-длительном значении [Wierzbicka 1967; Padučeva 1998].

- (13) *Мы похлебали щи, вытили, самогон забористый* [Ф. Светов, *Чижики-пыжики*, «Знамя», 2001];
 (14) *Вскоре, действительно, появился дядя Гриша, громко похлебал в одиночестве борща на кухне – он ел суп утром и вечером, – спросил, где мать и сделала ли я уроки* [И. Катерли, *Дневник сломанной куклы*, «Звезда», 2001].

Следует отметить, что способность делимитативных глаголов к сочетанию с родительным падежом весьма непоследовательно отражена в словарях. Так,

например, в «Малом академическом словаре» [Evgen'eva 1981–1984] вариативное управление зафиксировано у ограниченного круга глагольных лексем, в число которых в основном входят ингестивные глаголы (обозначающие ситуации поглощения еды, напитков, веществ): *поглодать*, *поглотать*, *поесть*, *пожевать* ‘поесть немного’, *поклевать*, *полакать*, *полопать*, *попить*, *похватать* ‘торопливо, наспех поесть’, *похлебать*, *поцелкать* и т.д. При этом анализ употреблений на материале НКРЯ и русскоязычного сегмента сети Интернет показывает, что с родительным падежом способен сочетаться практически любой глагол делимитативного СД, при условии, что объект выражается кумулятивным именем (существительные с вещественной семантикой и существительные в форме множественного числа) и вовлекается в ситуацию последовательно, как, например, в (15)–(18).

- (15) *Если они серьезно занимают вас – вам надо почитать книг...* [М. Горький, *Фома Гордеев* (1899)];
- (16) *Я подумал, что лучшего варианта, чем пойти в библиотеку и полистать газет-журналов не найти* [<https://books.google.ru/books?id=PplGDwAAQVAJ&printsec>];
- (17) *Ведь мало кому приходило в голову стать мясником, а в свободное время для души, повыводить формул в тетрадку* [https://www.maybe.ru/dom/lib/2114/forum_2014-07-01.html];
- (18) *Немного побаловались побросав камней в местный замерзший фонтанчик. Пофоткали разных промышленных пейзажей со смотровой площадки. Еще пофоткали* [<https://rifat.livejournal.com/217373.html>].

Таким образом, можно говорить о том, что сочетаемость с родительным падежом является характерной особенностью глаголов делимитативного СД и служит отражением заложенной в семантике данной группы глаголов идеи относительного предела ситуации.

4. Семельфактивные глаголы

Как представляется, в свете рассматриваемых явлений интересно обратить внимание также на группу глаголов семельфактивного СД, формальным показателем которого является суффикс *-(а)ну-*. Согласно определению [Zaliznâk, Šmelev 2000: 118], к семельфактивному СД «относят глаголы, обозначающие один „квант” деятельности, описываемой исходным глаголом» (исходный глагол в данном случае – непроизводный НСВ, обозначающий мультипликативный процесс). Строго говоря, семельфактивные глаголы не выражают относительного предела, однако представляется любопытным их сходство с делимитативами, заключающееся в том, что в обоих случаях

способ действия выделяет некоторую часть более широкой (идеальной), разворачивающейся на более длительном отрезке времени ситуации, обозначенной глаголом НСВ. Различие между данными СД состоит в том, что делимитатив обозначает ситуацию, которая занимает некоторый (обычно непродолжительный) временной отрезок, а семельфактив концептуализует ситуацию как мгновенную. Обозначенные данными глаголами ситуации различаются также с точки зрения степени произвольности их вычленения из широкой денотативной ситуации. По мнению Х.Р. Мелига, глагол одноактного (= семельфактивного) способа действия представляет собой «глагольный сингулятив», который образуется «только тогда, когда обозначаемая ситуация предполагает внутреннюю расчлененность на ряд последовательных однородных актов» [Melig 1994: 598]. В отличие от семельфактива, у делимитативного СД «временной [...] объем выделенного кванта остается открытым» [Melig 1994: 593], это означает, что фактическая длительность обозначаемой делимитативом ситуации может варьировать в широких пределах.

При условии единства и однородности объекта, вовлеченного в мультипликативный процесс, внутренняя расчлененность ситуации не препятствует употреблению семельфактивного глагола для обозначения ситуации, которая уже существовала (и/или еще может существовать после) с тем же набором участников за пределами одной клаузы (см., например, (19)–(20)).

- (19) *Еще хлебнув неразбавленного виски, я почувствовал себя ушедшим из семьи* [Н. Климонтович, *Последняя газета* (1997–1999)];
 (20) *Колька закрыл глаза, глотнул, еще глотнул, и у него сразу все потянуло обратно* [А. Приставкин, *Ночевала тучка золотая* (1981)].

Отмеченные различия между делимитативными и семельфактивными глаголами имеют место в «центральных случаях» реализации глагольных единиц данных типов. Реальная картина оказывается сложнее: глаголы делимитативного и семельфактивного СД демонстрируют гораздо бóльшую близость, чем было обозначено выше. Так, некоторое количество глаголов с суффиксом *-(а)ну-* имеет значение, которое может быть определено как ограничительное, ср. *жевануть* $\approx$ *пожевать* (21), *курнуть* $\approx$ *покурить* (22).

- (21) *У Крымова глаза увлажнились, так сильно ему вдруг захотелось жевануть пирожка с капустой* [В. Гроссман, *Жизнь и судьба*, часть 3 (1960)];
 (22) *Несколько раз нам с любезно-криминальной улыбкой предлагали курнуть гашиша* [Д. Рубина, *Воскресная месса в Толедо* (2000)].

Употребление формы родительного падежа в позиции прямого дополнения также характерно для глаголов семельфактивного СД. Как и в случае с градационными и делимитативными глаголами, формы родительного

и винительного падежа могут использоваться без видимого семантического противопоставления, ср. примеры (23)–(24).

(23) *А что до церемоний, – по-русски не вынимая ложку из стакана, Сергей глотнул чай, – то этого не люблю* [П. Крусанов, *Перекуем орала на свистела* (2001), «Нева», 2004];

(24) *Она же теперь по всей вашей истории разоблачается... – Взглянул внимательно, снова глотнул чаю. – Так вот, турки еще дважды за несколько лет напали* [А. Пашкевич, *Сим победиши*, «Сибирские огни», 2013].

Анализ употреблений ряда глаголов (таких как *глотнуть, дернуть, долбануть, жевануть, капнуть, клюнуть, куснуть, курнуть, лизнуть, махнуть, махануть, нюхнуть, плескануть, плеснуть, сыпануть, хватануть, хлебнуть, хлобыстнуть, хлопнуть, хряпнуть, черпануть*) показывает, что несмотря на возможную конкуренцию форм винительного и родительного падежа, использование последнего при семельфактивных глаголах оказывается количественно преобладающим и более предпочтительным.

5. Выводы

Приведенный выше анализ позволяет сделать вывод, что глагол СВ в русском языке не всегда указывает на завершенность ситуации и невозможность ее продолжения. Целый ряд русских перфективных глаголов в своей семантике содержат указание на возможность существования ситуации за пределами одной клаузы, при этом данная идея может выражаться как имплицитно, так и при помощи формальных средств (сочетание с *еще, еще немного*). Диагностическим критерием для определения характера предела ситуации, и соответственно, ее способности функционировать в более широком контексте, может служить также сочетаемость глагола с формой родительного падежа прямого объекта (при условии, что объект является накопителем). Форма родительного падежа прямого дополнения указывает на относительный предел / неполную результативность – объект, вовлеченный в ситуацию, представляет собой часть совокупного объекта, вовлеченного в более широкую ситуацию (реальную или идеальную). При этом падежная форма может как обуславливать интерпретацию глагольной группы (как в случае с глаголами *съесть* и *выпить*), так и просто коррелировать с семантикой глагольной лексемы. Последнее наблюдается при употреблении градационных глаголов, глаголов делимитативного и семельфактивного СД: данные глаголы способны сочетаться с формами родительного и винительного падежа прямого дополнения, при этом в случае замены падежной формы не

происходит значительного сдвига в семантике высказывания – можно говорить о синонимии родительного и винительного падежей.

Литература

- Bondarko A.V., 1986, *Semantika predela*, *Voprosy âzykoznanîâ*, 1, pp. 14–26.
- Bondarko A.V., 2011, *Kategorizaciâ v sisteme grammatiki*, Moskva: Âzyki slavânskikh kul'tur.
- Dickey S.M., 2006, Aspectual pairs, goal orientation and PO-delimitatives in Russian, *Glossos*, iss. 7, <http://www.seelrc.org/glossos/issues/7/dickey.pdf>; 1.07.2021.
- Dik S.C., 1989, *The Theory of Functional Grammar. Part I: The Structure of the Clause*, Dordrecht: Foris.
- Dowty D., 1991, Thematic proto-roles and argument selection, *Language*, vol. 67 (3), pp. 547–619.
- Evgen'eva A.I. (ed.), 1981–1984, *Slovar' russkogo âzyka v 4-h tt.*, 2nd ed., Moskva: AN SSSR, Institut russkogo âzyka, <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp>; 1.07.2021.
- Filip H., 1999, *Aspect, Eventuality Types and Nominal Reference*, New York: Routledge, Taylor and Francis Group.
- Glovinskaâ M.Â., 1982, *Semantiâeskie tipy vidovyh protivopostavljenij russkogo glagola*, Moskva: Nauka.
- Klein W., 1994, *Time in Language*, London–New York: Routledge.
- Krifka M., 1989, Nominal reference, temporal constitution and quantification in event semantics [in:] R. Bartsch et al. (eds.), *Semantics and Contextual Expressions*, Dordrecht: Foris, pp. 75–115.
- Melig H.R., 1994, Gomogennost' i geterogennost' v prostranstve i vremeni (O kategorii glagol'nogo vida v russkom âzyke), *Rev. Etud. Slaves*, Paris, LXVI/3, pp. 585–606.
- Melig H.R., 2008, Vzaimodejstvie meâzdu vidom i «nakopitelâmi» v russkom âzyke [in:] *Dinamiâeskie modeli: Slovo. Predloâenie. Tekst: Sb. st. v âest' E.V. Paduâevoj*, Moskva: Âzyki slavânskikh kul'tur, pp. 562–593.
- Paduâeva E.V., 1996, *Semantiâeskie issledovaniâ: Semantika vremeni i vida v russkom âzyke. Semantika narrativa*, Moskva: Âzyki russkoj kul'tury.
- Paduâeva E., 1998, On Non-compatibility of Partitive and Imperfective in Russian, *Theoretical Linguistics*, 24 (1), pp. 73–82.
- Paduâeva E.V., 2004, «Nakopitel' èffekta» i russkaâ aspektologiâ, *Voprosy âzykoznanîâ*, 5, pp. 46–57.
- Plungân V.A., 2000/2003, *Obâsaâ morfologiâ: Vvedenie v problematiku*, Moskva: Editorial URSS.
- Plungân V.A., 2011, *Vvedenie v grammatiâeskuû semantiku: grammatiâeskie znaâeniâ i grammatiâeskie sistemy âzykov mira*, Moskva: RGGU.
- Smith C.S., 1991, The parameter of aspect, *Studies in Linguistics and Philosophy*, 43, Dordrecht: Kluwer.
- Tatevosov S.G., 2011, Interpretaciâ imennyh aktantov i modal'nyj analiz perfektivnosti, *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvistiâeskih issledovanij RAN*, vol. VII (3), Sankt-Peterburg: Nauka, pp. 478–486.
- Tatevosov S.G., 2015, *Akcional'nost' v leksike i grammatike. Glagol i struktura sobytiâ*, Moskva: Âzyki slavânskoj kul'tury.

- Wierzbicka A., 1967, On the semantics of the verbal aspect in Polish [in:] *To Honor Roman Jakobson*, The Hague–Paris: Mouton, pp. 2231–2249.
- Zalznâk A.A., Šmelev A.D., 2000, *Vvedenie v russkuû aspektologiû*, Moskva: Âzyki russkoj kul'tury.

